

УДК 82.09

Ю. А. Говорухина

Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82 а, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: yuliya_govoruhin@list.ru

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И ФОРМЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье рассматривается поле литературы как сложное семиотическое пространство, в котором действует закон присвоения. Литературная критика вырабатывает различные стратегии и тактики присвоения и (пере)означивания литературных фактов, используя символический капитал. В результате критика порождает множество моделей современной литературы. Этот процесс исследуется в статье на материале консервативной толстожурнальной критики рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: литературная критика, консервативная критика, толстый журнал, символический капитал, присвоение.

Поле литературы как сложное семиотическое пространство, в котором функционируют литературные тексты, идеи, рецепции, присваивается литературной критикой. Интерпретация и оценка литературного явления могут быть осмыслены как акт его присвоения, или означивания как «своего» или «чужого». В результате рождается множество (в зависимости от существующих литературно-критических групп) моделей литературного процесса, каждая из которых претендует на общезначимость. Механизмы такого присвоения являются предметом данной работы. Цель статьи – исследование форм присвоения литературного материала критикой на рубеже XX–XXI вв. и разных способов приложения актуального символического капитала. Материалом для анализа послужили литературно-критические публикации патриотически ориентированных журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия».

Поле литературы, по П. Бурдьё, «есть поле сил и в то же время поле борьбы, которые направлены на трансформацию или сохранение установленного отношения сил: каждый из агентов вкладывает силу (капитал), приобретенную в ходе предшествующей борьбы, в стратегии, зависящие по своей направленности от позиции агента в

распределении сил, т. е. от его специфического капитала» [Бурдьё, 1994]. Роль капитала в литературной критике играет комплекс авторитетных оснований, применяемых в борьбе за присвоение. Эти основания легитимны и авторитетны только в пределах «своего» пространства. В либеральной критике это своя группа признанных писателей, текстов с наибольшей «идеологической проводимостью», идея демократии / свободы, героическое (оппозиционное) прошлое. Символический капитал консервативной критики – народность, своя группа признанных писателей / текстов, оппозиционность власти (автономия). Категория «народность», выступающая и в качестве критерия в оценке литературного явления, и в качестве идеологического ориентира в критике консервативных журналов, неактуальна для критики либеральной, более того, является объектом иронии. Общим капиталом является русская литературная классика.

Четко выявляемая, декларируемая идеологическая позиция консервативных журналов образует ту «сетку значений», которая набрасывается на действительность, в том числе литературную. Так, к 1990-м гг. «Наш современник» из светского журнала, публикующего преимущественно «деревенскую»

прозу, постепенно превращается в журнал православно-патриотический и общественно-политический. Православие мыслится основой русской нации, ее духовным стержнем, основой государственности. Национальная культурная традиция утверждается в качестве ориентира, а современность оценивается негативно, как несоприродная традиционному укладу жизни. Категория «национальное» (и сам литературно-художественный материал, представленный прозой В. Белова, В. Астафьева, В. Шукшина, В. Распутина) становится своеобразным символическим капиталом, в борьбу за который еще в 1960-е гг. вступают либерально-демократические и национал-патриотические силы.

Консервативные журналы представляют не от всей нации, а от одного этноса – русских, от общности, которая определяется «кровью», генетическими связями. Русскость декларируется как стержневая линия журнала. В ситуации кризиса литературоцентризма и сокращения читательской аудитории, когда борьба за присвоение получает выраженный онтологический смысл, определяя бытие-небытие литературной критики, роль онтологической опоры для критиков-«патриотов» выполняет приобщение к героическому историческому опыту русского народа, русской классике. Статистический анализ упоминаемых «патриотами» классических текстов (в статьях, посвященных осмыслению литературной ситуации рубежа XX–XXI вв.) позволяет сделать вывод о том, что авторитетная классика для этой критики – это, прежде всего, произведения советского периода, наполненные гражданским пафосом: деревенская, военная проза. Лидируют по количеству упоминаний М. Шолохов, В. Белов, В. Распутин, Н. Рубцов, Н. Тряпкин, Е. Носов, Л. Бородин, В. Солоухин.

Статус капитала приобретает сам факт принадлежности к «патриотической» социальной группе, символическую силу которой придают авторитетные имена Распутина, Белова, Бондарева, Кара-Мурзы, Шафаревича, Кузнецова, Личутина, Проханова, Кожина. «Наша идеология складывается из того, что они напишут», – заявляет С. Куняев¹.

¹ Финансовое положение толстых литературных журналов: интервью В. Перельман – С. Куняев: <http://www.topos.ru/article/947>.

Статусом символического капитала могут обладать и персоналии современников. Таковым является В. Бондаренко – один из самых противоречивых критиков патриотического толка. Наряду с выраженной тенденцией представить его в роли одного из идейных лидеров патриотического блока, обладающего харизматическими качествами и литературно-критическим мастерством, в адрес Бондаренко звучат и резко критические оценки. Так, К. Кокшенева не приемлет деятельности Бондаренко в «Дне литературы» и «Завтра», видя в ней поворот на «дорожку левой экстремы Запада», утрату главных идеологических и нравственных установок. По ее мнению, Бондаренко «трусливо устрасился элементарного наказания пачкуна Сорокина за культурное растление»². Она фиксирует в его суждениях явное противоречие: «Критик Бондаренко мог сообщить отечественному читателю о гонениях на постмодернистов американской официальной пропаганды, но потом тут же “находил” отечественных “христианских постмодернистов” и быстренько устраивал на них свои маленькие “гонения”, не заметив даже, что занял-то именно позицию тех же янки, о которой говорил чуть выше с осуждающим беспокойством». Критика Бондаренко, по словам К. Кокшениной, генетически измененная, ориентированная на «жару» (т. е. на страстность, на воздействие), а не на качество и доказательность. Этим она объясняет факты идейного непостоянства критика, который «сегодня <...> с пеной у рта и в красном пуловере защищает одно, а завтра в желтой кофте – прямо противоположное»³. Резкая критика в адрес Бондаренко звучит в статьях Т. Глушковой, Н. Дорошенко. Их возмущает промежуточное в идеологическом и эстетическом плане положение, которое сознательно занимает Бондаренко, уходя от крайних патриотических течений, посвящая свои неразгромные статьи «чуждым» писателям (В. Высоцкому, Б. Ахмадулиной, Вен. Ерофееву, В. Сорокину, И. Бродскому и др.).

В то же время ни в одном критическом отклике Бондаренко не называют «предателем». Авторитетный критик (так, Ю. Павлов не находит ни одного из «правых» крити-

² См.: Кокшенина К. О культурной оппозиции. Красный джип патриотизма: <http://www.filgrad.ru/texts3/koksheneva/kk2.htm>.

³ Там же.

ков, которые могли бы по количеству публикаций и авторитетности приблизиться к В. Бондаренко [Павлов, 2006]), он сам по себе является символическим капиталом для патриотической критики. В этом причина множества «оправданий» непоследовательности Бондаренко, которые находят критики-патриоты. Ю. Павлов, позиционируя себя как ортодокса, которому позиция Бондаренко не близка («мне по душе “выпороть”, “размазать”, “убить”» [Там же]), пишет о необходимости Бондаренко «в качестве врача любящего». Он видит в позиции критика проявление христианского гуманизма, веры в возможность духовного возрождения. Другое «оправдание» Бондаренко, которое озвучивается в патриотической среде, – утверждение близости критика к классической русской литературно-критической традиции. Так, Г. Красников, называя Бондаренко единственным безусловным профессионалом в критике конца 1990-х – начала 2000-х гг., сближает его с традицией В. Белинского, Н. Добролюбова, А. Григорьева, которые объединяли вокруг русской литературы писателей разных направлений, школ, взглядов (цит. по: [Огрызко, 2005]).

Названные тактики «оправдания» В. Бондаренко соответствуют сложившейся в патриотическом критическом дискурсе стратегии «подгонки под образец», которая используется в создании литературного портрета того или иного писателя, не вписывающегося в типичный образ «своего».

В литературной критике «Нашего современника» и «Молодой гвардии» обнаруживаются следующие стратегии присвоения литературных фактов: включение нового литературного явления в «свое» поле ценностных координат (означивание), отвержение «чужого», актуализация границы «свое» – «чужое», захват (переозначивание). Движение критики на рубеже веков обнаруживается в доминировании той или иной стратегии в определенный хронологический отрезок.

В период с 1992 по 1994 г. в критике патриотических журналов доминирует стратегия актуализации границы «свое» – «чужое» в пределах осваиваемого литературного поля. Критика «Нашего современника» и «Молодой гвардии» формирует автономию, пространство идеологически независимое от государственной власти, доказывая своими тактиками верность суждения П. Бурдые о

том, что «чем автономнее поле, тем жестче негативные санкции, применяемые к гетерономным практикам, <...> тем интенсивнее стимулируется сопротивление или даже открытая борьба против властей» [Бурдые, 1994. С. 29]. Так, Н. Скатов в статье «За что мы не любим Некрасова» [1992] ставит перед собой цель продемонстрировать антинародность демократической власти, опасность идеологического вакуума для нации, как сознательной политики государства. Критик фиксирует идеологическую границу, отделяющую «чуждое» пространство власти и «свое» пространство, в ценностном плане близкое некрасовской народности. Используемая Н. Скатовым тактика в пределах стратегии – разоблачение (снятие героического, патриотического с государственной символики – флага, герба, представление чужого пространства власти как мимикрирующего, ложного, лишенного идеологической основы, опасного девальвацией традиционных ценностей. Функцию символической границы выполняет отношение к Некрасову, чья народность, размышления о судьбе ограбленного народа «нелюбимы» властью и элитой, но осознаются как возможная основа спасительной идеологии в «своем» пространстве. Власть предстает как постоянно перевоплощающаяся, перевертывающаяся, мимикрирующая, обладающая средствами для того, чтобы внушить привлекательность. В статье В. Курбатова «Или все напрасно» ценностная граница заявлена уже вначале текста. Власть, представляемая как враг культуры, противопоставлена борющейся за спасение последней редакции «Нашего современника», авторам сборника «Писатель и время». Граница проходит, по сути, между антикультурой и культурой, Родиной и подмененными историческими категориями. Она актуализируется В. Курбатовым опасностью проницаемости границы: чужое обладает силой захвата («Не хватило нам ума и мужества и сейчас не хватает ясно разделять сознанием Родину и дела своевольных узурпаторов и хищников, Родину и паразитирующую пошлость, нарочито стремящуюся заполнить границы родного и тем уничтожить их» [Курбатов, 1992. С. 190]). Актуализация границы имеет прагматический эффект – очищения, корректировки ментальных представлений современника, который становится объектом воздействия чужого про-

странства, опасного размыванием ценностной иерархии.

В этом же направлении делит поле литературы В. Артемов («Гусли барда»). Традиция и отклонение от нее конкретизируется критиком: «чужое» – «всякий так называемый поиск новых путей и новых средств выразительности... дело для русского поэта ненужное и вредное», «свое» – «животворящая традиция, <...> народное творчество, которое одно только и может восстановить наши силы, одухотворить нашу жизнь» [Артемов, 1993. С. 178]. В. Артемов использует распространенную в критике «Нашего современника» и «Молодой гвардии» тактику актуализации границы – представляет ее как «передовую» на поле (литературном) боя. Показательно, что война мыслится направленной не на литературу, читателя, символическое поле идеологии, а на весь русский народ. Орудием сопротивления, по мысли критика, должна стать поэзия, обладающая силой воздействия не только словом, но и ритмом, интонацией, мелодикой на «высокие инстинкты» человека. В тексте статьи появляется и сам образ границы, которую образует авторитетная классика: «Она как бы очерчивает границы, пределы, в которых человеческий дух может свободно и естественно творить, дышать, жить и развиваться. Все, что за пределами этих границ, есть не что иное, как извращение человеческой природы, патология <...>» [Там же. С. 179].

В период с 1995 по 1998 г. доминирует стратегия освоения новых явлений литературного поля при сохранении тенденции охранения границ. Особенно тщательно эту границу в поле идеологии и критики выстраивает В. Гусев в статье «Свои?» [1996], противопоставляя идеологической «неразберихе» альтернативную спасительную идеологию; Ткаченко П. в статье «Входите тесными вратами»⁴, противопоставляя обличительную военную прозу и патристическую.

Одновременно появляются статьи, реализующие стратегию отвержения, выведения автора / произведения из литературного поля. Сформированное в предыдущий период идеологическое поле выступает теперь в качестве необходимого основания для верной, с точки зрения критика, интерпретации и оценки литературного факта. Композици-

онно собственно литературно-критическому суждению в статьях этого периода предшествует негативная оценка состояния культуры, нравственности, морали общества.

Стратегия присвоения, направленная на утверждение в своем пространстве того или иного литературного явления, в период с 1995 по 1998 г. реализуется с использованием тактики «включения в героический сюжет».

Главная задача критика-портретиста – нарисовать образ прежде всего писателя-гражданина, обозначить его нравственные принципы, представить жизнь писателя как подтверждение их истинности. Практически все персоналии, выбираемые критиком, – «положительные герои» своего времени, носители утверждаемых журналом ценностных доминант, оппозиционеры. Последняя характеристика обуславливает появление в создаваемых портретах героического начала. Общая прагматическая компонента цели критика в рассматриваемых статьях – предложить читателю ценностный ориентир, представив его воплощение в образе Л. Бородин, Л. Кококулина, Е. Буравлева, С. Наровчатова, О. Фокиной, Б. Примерова, Н. Тряпкина. Элемент идеализации в сопряжении с героизацией образа писателя составляет суть выбираемой критиком прагматической коммуникативной стратегии.

Экспозиционная часть статей-портретов формирует у читателя установку восприятия писателя как «положительного героя». Она может включать перечисление достоинств личности, начинаться с трагического известия, яркого воспоминания, соотнесения фигуры автора с классиком. Общим «сюжетным» местом становится введение информации о драматическом прошлом писателя, чаще всего связанном с давлением системы (ГУЛАГ в судьбе Л. Бородин, А. Знаменского, штрафбат Е. Буравлева, безотцовщина, голод в жизни О. Фокиной, атмосфера отверженности в творческой судьбе Н. Тряпкина).

Еще один повторяющийся элемент сюжета – описание жизни как борьбы, сопротивления. Обязательным здесь будет образ врага (диссидентские круги в статье [Штокман, 1992]), прозаические издания [Свинников, 1996], власть, чиновники [Колмогоров, 1998; Федь, 1993], антирусская элита [Лобанов, 1994], шестидесятники-западники

⁴ Наш современник. 1996. № 1.

[Лавлинский, 1999]). В описании сопротивления / борьбы реализуется компонент героического. Борьба с «врагом» в литературно-критических портретах – это прежде всего борьба нравственная, борьба идей, она не уступает реальной в своей непримиримости и жесточечности.

Смерть героя описана как подвиг. Самоубийство Б. Примерова В. Бондаренко называет гибелью («Нет, конечно же, смерть Бориса Примерова – это прямая политика <...>. Любя, защищая народ, он, того не желая, стал политиком <...> Нет, не слабость он проявил, а акт борьбы, и гибель его – это гибель борца» [Бондаренко, 2000. С. 260]), а смерть Н. Тряпкина ассоциируется со смертью на баррикаде («И что-то глубинное перенесло его из сказов и мистических преданий, из пацифизма и любовного пантеизма в кровавую баррикадную красно-коричневую схватку <...>. В те годы он был частью нашего “Дня”, был нашим сотрудником в народе. Был нашим баррикадным поэтом. И он гордился таким званием. Гордился совместной борьбой» [Там же. С. 248]).

С конца 1998 по 2002 г. в литературной критике «Нашего современника» наблюдается синтез стратегий (освоения / отвержения) с актуализацией новой – захвата.

Статья В. Бондаренко «Подлинный Венничка. Разрушение мифа» [1999] – показательный пример использования стратегии захвата и типичных для этой стратегии тактик. Критику необходимо вывести из «чужого» поля фигуру Вен. Ерофеева и вписать в «свое» пространство. Эта процедура предполагает работу сразу в двух направлениях: необходимо снять идеологическое противоречие, до сих пор не допускающее рецепцию образа Ерофеева как «своего», нейтрализовать тот комплекс смыслов, которым Ерофеев как знак был наделен в интерпретационном поле либеральной критики, и, как результат, откорректировать читательское восприятие писателя в обновленных координатах. В. Бондаренко использует следующие тактики. Критик разоблачает интеллигентов-либералов, шестидесятников, которые использовали фигуру Ерофеева в своей политической борьбе («вся либеральствующая интеллигенция с вечной фигой в кармане дружно воплощала обреченное трагическое одиночество Ерофеева в примитивную антисоветскую агитку. И вольно же им было додумывать за писа-

теля всяческие пропагандистские небылицы?»; «Венедикта раскручивали для дальнейшего унижения России. И не более» [Бондаренко, 1999. С. 177]), в личных целях (Ерофеева, по мнению критика, использовали как знак приобщения к неофициальной культуре). В. Бондаренко разрушает миф о друзьях писателя, приводит факты предательства, лицемерия, называет конкретные имена. Далее тактически ему необходимо заместить ложное окружение «своим», и В. Бондаренко включает в текст статьи имена «своих» литературных и общественных деятелей, с которыми был знаком Ерофеев и которые так или иначе помогли писателю (Д. Васильев, В. Осипов). Близкая названной тактике – тактика выведения Ерофеева из ложного контекста. В противовес сложившимся ассоциативным рядам В. Бондаренко замечает: «Меня поразили “Москва-Петушки” не аксеновской псевдокомсомольской фальшью “Коллег” и “Звездного билета”, не игровой фантазией братьев Стругацких, не аллюзиями процветающего Галича, а серьезностью, всамделишностью ерофеевского карнавала» [Там же. С. 181], резко противопоставляет Ерофеева Евтушенко, Вознесенскому, Окуджаве.

Следующая тактика – сближение судьбы / характера Ерофеева и его героя с судьбой / ментальностью России, русского народа. В результате образ писателя наделяется характеристикой «народности», принципиально важной в идеологическом поле журнала. В. Бондаренко важно актуализировать возможную идеологическую близость Ерофеева. Критик последовательно демонстрирует противоречивость сознания Ерофеева, его представлений о демократизме, отношении к писателям, к еврейскому вопросу. Эта противоречивость оказывается возможным основанием для «прописки» Ерофеева в «своем» пространстве.

Еще одна тактика – разоблачение неверных интерпретаций произведений / образов, созданных либеральной критикой. Так, Бондаренко спорит с интерпретацией образа Гуревича («Вальпургиева ночь») как *alter ego* автора («Перед нами в статьях либеральных критиков демонстрируется перевернутая трактовка» [Там же. С. 179]), с попытками исчерпать содержание произведений писателя лишь постмодернистской игрой. Критик приходит к выводу о том, что невозможно верно интерпретировать произ-

ведения Ерофеева, находясь в чуждом критическом / рецепционном поле.

Наконец, В. Бондаренко осуществляет попытку вписать судьбу Ерофеева в «героический сюжет». Сам факт использования этой тактики, типичной для создания литературных портретов «своих» авторов, обладает необходимым прагматическим эффектом. В статье имеют место такие элементы общего «сюжета», как позиция противостояния системе, драматические события жизни, связанные с этой позицией, наличие врага (в лице государства и скрытых врагов-жестокостей-предателей), описание смерти, если не как героической, подвига, то драматической.

Образ Ерофеева в «чужом» пространстве «освещен» символическим капиталом, а именно оппозиционностью писателя. Бондаренко девальвирует этот капитал, снимая оппозиционность жизненной и творческой позиции писателя. Ерофеев в интерпретации критика оказывается человеком трагически заблуждающимся, потерявшим веру в жизнь, не гонимым властью, а по своей воле отрекающимся от «нормальной жизни, которую он уже воспринимал, как предательство, как презираемое им обывательство» [Там же. С. 184], отринувшим старые мифы и не пришедшим к истине, и подлинным в этой своей внутренней драме.

В статье «Взбунтовавшийся пасынок русской культуры»⁵ В. Бондаренко осуществляет попытку присвоения фигуры Бродского. Он включает в оппозицию «русский – нерусский» промежуточное звено «русский духовно», которое начинает выполнять функцию канала для перевода поэта в систему «патриотических» ценностных координат. В биографии Бродского Бондаренко актуализирует такие события, в которых поэт отказывается от еврейского (отказ выступать в синагогах, в Иерусалимском университете, неприятие западного разделения на (не)евреев), признается в принадлежности русской культуре. Выбор Бродского в пользу русской культуры оказывается тем основанием, по которому Бондаренко определяет поэта как русского (принципиальная характеристика для патриотической критики). Русскость Бродского проявляется, по Бондаренко, в следовании литературной

традиции, жертвенном отношении к поэзии, погружении в русскую языковую стихию, духовном родстве с русским народом, максимализме в поведении. Дополнительными доказательствами русскости поэта становятся его самодистанцирование от Евтушенко и Вознесенского, которые в контексте статьи лишаются признака русскости (выступают в синагогах), письмо Брежневу, высокая оценка Бродским поэзии Г. Горбовского (поэта-патриота, русского, народного в ценностной системе патриотической критики), факт творческой дружбы с патриотом-идеологом Т. Глушковой. Показательна и интерпретация критиком стремления Бродского позднеэмигрантского периода уйти из русской культуры. Бондаренко обращает внимание на то, что этот уход осуществляется не в сторону еврейской культуры, а в направлении к общемировой, более того, утверждает неосуществленность этого личного проекта: «Русскости в своей поэзии и даже в жизни, в её запредельности и амбивалентности он так и не сумел преодолеть»⁶.

Материал статей Бондаренко, в которых появляется писатель-еврей, позволяет реконструировать типичную стратегию означивания автора как истинно русского писателя еврейского происхождения. Критик представляет биографию писателя таким образом, что выделяет как значимую ситуацию, требующую от него выбора родственной по духу культуры. Писатель выбирает русскую либо отказывается от еврейской (или космополитизма). Отказ или преодоление еврейства наряду с осознанием духовного родства с русской культурой является основанием для означивания писателя как русского. Фактор крови при этом нивелируется. Такая модель накладывается на личность и биографию О. Мандельштама, Б. Пастернака, Ю. Мориц.

По каналу, образованному промежуточным понятием «духовно русский», Бондаренко осуществляет и обратное действие: лишение русского (Евтушенко, Вознесенский) по крови характеристики «русский».

Ту же стратегию захвата использует Н. Переяслов («Оправдание постмодернизма» [Переяслов, 1999]), присваивая литературное явление постмодернизма, «захваченное» чужим полем. Критик выбирает

⁵ См.: Бондаренко В. Взбунтовавшийся пасынок русской культуры: <http://www.jig.ru/culture/021.html>.

⁶ Там же.

тактику обоснования непродуктивности автономии постмодернизма (литература «формы без содержания») и литературы, публикуемой в консервативных журналах (литература «содержания без приложения»). На примере идеи интертекстуальности Н. Переяслов демонстрирует неполноценность постмодернизма, который останавливается на пафосе разрушения и не востребован «мечущимся в безответности читателем». Современная проблематика, традиция реализма видятся критику спасительными для постмодернизма, остающегося чужеродным методом для отечественной литературы в сознании критика.

Стратегия присвоения, предполагающая освоение литературного поля, в этот период поддерживается большим количеством тактик, в том числе отчетливо прагмаориентированных. «Присваивая» прозу Л. Шевяковой, М. Гаврюшин противопоставляет ее эмансипированной женской прозе чужого пространства (примечательно, что противопоставляется массовая литература, написанная женщинами, но не собственно «женская проза»). Успешному присвоению способствует привлечение символического капитала классики (сопоставление стиля писательницы со стилем Толстого); сближение с произведениями, уже обладающими авторитетом ценного («Но прецеденты документально-художественного повествования о живых, непридуманных и в миру незначительных людях, слава Богу, существуют. Таков бессмертный «Похоронный марш» Александра Сегеня. Из этого же ряда проза Лидии Шевяковой <...>» [Гаврюшин, 2000. С. 270]); наделение идеологически принципиальными для журнала характеристиками «русский» писатель («это проза настоящей женщины, русской женщины») и «народность». Прагматически значимый прием – указание на близость читателю мыслей и чувств, описываемых писательницей.

Описанные стратегии и тактики присвоения, используемые критикой «Нашего современника» и «Молодой гвардии», свидетельствуют об эволюции «консервативной» литературной критики в период с 1992 по 2002 г., смене функционального статуса в поле литературы и идеологии. От роли непримиримого охранителя идеологических и гносеологических принципов / границ она выходит к роли в большей степени аналитика (в конце 1990-х – начале 2000-х гг. появ-

ляются статьи, в которых обращение к полному идеологии сводится к минимуму. Как следствие, наблюдается постепенное сужение ракурса видения и интерпретации литературной действительности: от обзора современной поэзии / прозы, угадывания некоторых тенденций ее развития, обязательно соотносимых с социальными проблемами, к анализу отдельных произведений или группы текстов одного автора), стратегически готового к освоению «чужого» пространства в пределах литературного поля. Но несмотря на эту динамику, критические статьи «Нашего современника» и «Молодой гвардии» 1990-х – начала 2000-х гг. однородны по утверждаемой ценностной иерархии, по рисуемому образу врага и оппозиции ему, по типу наблюдаемого отклонения от нормы в общественном сознании.

Стратегии, используемые консервативной критикой, могут быть признаны успешными. Они позволяют в процессе присвоения активно действовать не только в пространстве «своих» ценностных координат, но и в пространстве оппонента.

Список литературы

Бурдые П. Начала. Choses dites: пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994.

Огрызко В. Непредсказуемый скандалист // Литературная Россия. 2005. 05.08.

Павлов Ю. Необходимость Бондаренко // День литературы. 2006. № 02 (114).

Список источников

Артемьев В. Гусли барда // Наш современник. 1993. № 1.

Бондаренко В. Жизнь с открытым сердцем // Наш современник. 2000. № 2.

Бондаренко В. Отверженный поэт // Наш современник. 2002. № 8.

Бондаренко В. Подлинный Веничка. Разрушение мифа // Наш современник. 1999. № 7.

Гаврюшин М. Исповедь дочери века, или раба любви! (размышления о книге Лидии Шевяковой «Очень интересный роман») // Наш современник. 2000. № 12.

Колмогоров Н. «Весь опыт, что вместила жизнь...» К портрету русского сибирского поэта Евгения Буравлева // Наш современник. 1998. № 8.

Курбатов В. Или все напрасно // Наш современник. 1992. № 7.

Лавлинский Л. Шаги истории // Наш современник. 1999. № 11.

Лобанов М. Бремя «Пирамиды» // Молодая гвардия. 1994. № 9.

Переяслов Н. Оправдание постмодернизма // Наш современник. 1999. № 5.

Свинников В. Чем жив человек. Заметки о творчестве Леонида Кокоулина // Наш современник. 1996. № 2.

Скатов Н. За что мы не любим Некрасова // Наш современник. 1992. № 6.

Штокман И. Слово и судьба (Леонид Бородин: идеи и герои) // Наш современник. 1992. № 9.

Федь Н. Страшные судьбы человеческие // Молодая гвардия. 1993. № 5/6.

Гусев В. «Свой?» // Наш современник. 1996. № 9.

Материал поступил в редколлегию 11.03.2011

Yu. A. Govorukhina

THE SYMBOLICAL CAPITAL OF JOURNAL LITERARY CRITICISM AND FORMS OF ITS USE

The article considers literature as a complex semiotic space in which the law of assignment works. With the help of the symbolical capital literary criticism develops various strategies and tactics of assignment of literary facts. Ideologically varied criticism generates plethora of models of modern literature. This process is investigated in the article on the material of conservative criticism at the turn of XX–XXI centuries.

Keywords: literary criticism, conservative criticism, literary magazine, symbolical capital, assignment.